

Либерально-демократические ценности / Journal of liberal democratic values <https://liberal-journal.ru>

2026, №3, Том 10 / 2026, No 3, Vol 10 <https://liberal-journal.ru/issue-3-2026.html>

URL статьи: <https://liberal-journal.ru/PDF/11UNLD326.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Яковлев, В. С. Проблемы применения форс-мажора и разработка рекомендаций для юридических лиц / В. С. Яковлев // Либерально-демократические ценности. — 2026. — Т. 10. — № 3. — URL: <https://liberal-journal.ru/PDF/11UNLD326.pdf>

For citation:

Yakovlev V.S. Problems with applying force majeure and developing recommendations for legal entities. *Journal of liberal democratic values*. 2026; 10(3): 11UNLD326. Available at: <https://liberal-journal.ru/PDF/11UNLD326.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

УДК 347

Яковлев Виктор Сергеевич

Университет Мировых Цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва, Россия,
студент

E-mail: i-am-vi@yandex.ru

Проблемы применения форс-мажора и разработка рекомендаций для юридических лиц

Аннотация. В статье исследуется проблема разграничения смежных правовых институтов гражданского права - непреодолимой силы (форс-мажора), существенного изменения обстоятельств и объективной невозможности исполнения обязательств. Проводится анализ коллизии, возникающей при квалификации фактических обстоятельств в российской судебной практике, и раскрываются причины неэффективности ряда норм Гражданского кодекса РФ (в частности, статей 401, 416, 451 ГК РФ) в условиях современных экономических вызовов (санкций, валютных колебаний, пандемий и др.). Корень проблемы кроется в тесном переплетении догматических конструкций распределения договорных рисков и объективной реальности, которая зачастую не укладывается в прокрустово ложе классических правовых норм. Особое внимание уделяется доктринальной и правоприменительной сложности признания «экономической невозможности» исполнения обязательства, а также распределению бремени доказывания в спорах о форс-мажоре. Особую остроту проблема разграничения этих институтов приобрела в связи с введением масштабных экономических санкций в отношении российских компаний. В контексте беспрецедентного санкционного давления особую актуальность приобретает вопрос квалификации ограничительных мер иностранных государств в качестве непреодолимой силы. форс-мажорная оговорка в современных реалиях – это не формальный «спящий» раздел в самом конце договора, о котором вспоминают только в суде, а критически важный, живой механизм операционной защиты бизнеса.

Ключевые слова: форс-мажор; непреодолимая сила; распределение договорных рисков; договорная оговорка; санкционные риски; бремя доказывания

Проблема разграничения смежных правовых институтов, таких как непреодолимая сила (форс-мажор), существенное изменение обстоятельств и объективная невозможность исполнения, представляет собой один из наиболее фундаментальных вызовов для современной российской и зарубежной цивилистики. Несмотря на кажущуюся терминологическую определенность, закрепленную в нормах Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), на практике возникает колоссальное количество

коллизий при квалификации одних и тех же фактических обстоятельств.

Корень проблемы кроется в тесном переплетении догматических конструкций распределения договорных рисков и объективной реальности, которая зачастую не укладывается в прокрустово ложе классических правовых норм. Экономические кризисы, глобальные пандемии, резкие колебания валютных курсов и масштабные санкционные ограничения обнажили уязвимость традиционного подхода к принципу святости договора (*pacta sunt servanda*).

Российская судебная практика демонстрирует крайнюю степень консерватизма при применении статьи 451 ГК РФ¹. Суды зачастую отказывают в исках об адаптации или расторжении договоров, ссылаясь на то, что экономические кризисы, инфляция и изменение курсов валют относятся к обычным предпринимательским рискам[6, С.78]. Это создает ситуацию, при которой норма права фактически превращается в "спящую", не выполняя свою функцию по защите слабой стороны.

Доктринальная сложность заключается в определении пределов невозможности. Классический подход признает только физическую или юридическую невозможность (например, гибель индивидуально-определенной вещи или запрет на экспорт со стороны государства). Однако современные исследователи все чаще поднимают вопрос о признании так называемой "экономической невозможности" исполнения в качестве основания для прекращения обязательств по статье 416 ГК РФ.

Экономическая невозможность (в англосаксонском праве схожие институты именуются *frustration of purpose* или *commercial impracticability*) возникает тогда, когда исполнение физически осуществимо, но затраты на него возрастают в десятки раз, полностью лишая сделку экономического смысла. В российской юриспруденции суды категорически отказываются квалифицировать экономическую нецелесообразность как невозможность исполнения.

Особую остроту проблема разграничения этих институтов приобрела в связи с введением масштабных экономических санкций в отношении российских компаний. Ограничительные меры иностранных государств породили беспрецедентный хаос в цепочках поставок, блокировку платежей и отказы от исполнения контрактов со стороны иностранных контрагентов[5, С.31].

Проблема валютных рисков является классическим примером коллизии между принципом номинализма и экономической справедливостью. Резкие девальвации национальной валюты в 1998, 2014 и 2022 годах порождали вал исков о признании данных событий форс-мажором или существенным изменением обстоятельств. Во всех случаях Верховный Суд РФ последовательно занимал жесткую позицию: инфляционные процессы и колебания курсов валют являются объективным экономическим фоном, риск которого несет субъект предпринимательской деятельности.

В поисках решения проблемы экономической невозможности исполнения некоторые ученые предлагают использовать принцип добросовестности (пункт 4 статьи 1, статья 10 ГК РФ). Если кредитор настаивает на исполнении договора в условиях, когда должник неминуемо обанкротится из-за непредвиденного макроэкономического шока, а сам кредитор при этом не несет сопоставимых потерь, такое поведение кредитора может быть квалифицировано как

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

злоупотребление правом.

Однако применение статьи 10 ГК РФ в качестве корректирующего механизма вместо специальных норм об освобождении от ответственности несет в себе риски субъективизма судейского усмотрения. Гражданское право нуждается в более четких догматических ориентирах для разграничения сфер применения статей 401, 416 и 451 ГК РФ.

Важным аспектом является также распределение бремени доказывания. В спорах о форс-мажоре должник обязан доказать не только сам факт наступления экстраординарного события, но и причинно-следственную связь между этим событием и невозможностью надлежащего исполнения конкретного обязательства. Наличие сертификата Торгово-промышленной палаты о форс-мажоре не имеет для суда заранее установленной силы и оценивается в совокупности с другими доказательствами[3, С.56].

В контексте существенного изменения обстоятельств бремя доказывания еще тяжелее. Истец должен математически обосновать нарушение соотношения имущественных интересов, предоставив финансовые модели, расчеты себестоимости и доказательства того, что продолжение исполнения приведет к убыткам, значительно превышающим обычный коммерческий риск.

Сложность доказывания экономической невозможности усугубляется тем, что само понятие "экономической невозможности" законодательно не закреплено. Правоприменитель вынужден оперировать оценочными категориями, что приводит к отсутствию единообразия в судебной практике. В одних округах суды признают закрытие границ непреодолимой силой, в других — обычным риском логистики.

Анализ зарубежного опыта показывает, что в странах германской правовой семьи (например, в Германии с ее концепцией отпадения основания сделки - *Wegfall der Geschäftsgrundlage*, § 313 BGB) суды обладают гораздо большей свободой в адаптации договоров к изменившимся реалиям. Немецкий суд может изменить цену, сроки и объемы поставок, спасая договорные отношения от разрушения. В российском праве подобная гибкость пока недостижима из-за жесткости толкования статьи 451 ГК РФ.

В англосаксонской системе права доктрина тщетности (*frustration of contract*) применяется крайне редко, так как коммерческие контракты по английскому праву традиционно содержат детализированные оговорки о форс-мажоре (*force majeure clauses*) и существенном изменении обстоятельств (*material adverse change clauses*). Стороны сами конструируют механизмы распределения рисков, минимизируя необходимость обращения к подразумеваемым условиям общего права[1, С.46].

Для российского правопорядка интеграция договорных механизмов управления рисками (*contractual risk management*) становится критически важной. Практика показывает, что надежда на защиту со стороны диспозитивных норм ГК РФ в условиях кризиса часто не оправдывается. Сторонам необходимо детально прописывать в договорах перечень обстоятельств, которые они признают форс-мажором, а также согласовывать формулы пересчета цены при наступлении СИО.

Подводя итог анализу проблем определения форс-мажора, изменения обстоятельств и экономической невозможности исполнения, можно констатировать, что текущее состояние российской цивилистической доктрины и судебной практики требует системного обновления. Жесткое разделение этих институтов, заложенное в ГК РФ, не всегда выдерживает столкновения с многообразием современных экономических вызовов.

При детализации природных катаклизмов (стихийных бедствий) недостаточно просто указать «погодные условия». Рекомендуется использовать формулировки, привязанные к объективным критериям аномальности для конкретного региона. Например, «выпадение осадков, превышающих месячную норму более чем в три раза по данным Росгидромета» или «аномальные температурные режимы, препятствующие проведению бетонных работ согласно СНиП».

Техногенные и социальные факторы также требуют осторожного подхода. Забастовки могут признаваться форс-мажором только в том случае, если они носят общенациональный или отраслевой характер. Локальная забастовка работников самого должника является следствием его внутренних управленческих решений и не может служить основанием для освобождения от ответственности перед контрагентом.

Особую категорию составляют акты государственных органов (юридический форс-мажор). К ним относятся эмбарго, запреты на экспорт или импорт, отзыв лицензий, закрытие границ. В договоре следует прямо прописать, что издание государственным органом акта, делающего исполнение невозможным, признается форс-мажором при условии, что такой акт не был спровоцирован неправомерным поведением самой стороны (например, отзыв лицензии за нарушение лицензионных требований не является форс-мажором) [7, С.65].

В контексте беспрецедентного санкционного давления особую актуальность приобретает вопрос квалификации ограничительных мер иностранных государств в качестве непреодолимой силы. Долгое время судебно-арбитражная практика исходила из того, что санкции относятся к обычным предпринимательским рискам, однако в последние годы наметился очевидный тренд на признание их обстоятельствами непреодолимой силы при наличии прямой причинно-следственной связи.

Для того чтобы санкции могли быть квалифицированы как обстоятельство непреодолимой силы, недостаточно простого факта их введения. Сторона должна доказать, что введенные ограничения носят блокирующий характер именно для предмета конкретного договора (например, товар включен в санкционные списки, запрещенные к поставке в РФ, или банк контрагента отключен от системы SWIFT, что делает невозможным проведение платежа в валюте контракта).

Рекомендуется включать в договор специализированную санкционную оговорку (Sanctions Clause), которая может быть интегрирована в раздел о форс-мажоре или выделена отдельно. В ней следует предусмотреть механизм действий сторон при введении санкций: обязанность по поиску альтернативных путей логистики, возможность замены валюты платежа или реквизитов, а также право на приостановление исполнения до получения соответствующих лицензий (разрешений) от регуляторов.

Процедура уведомления контрагента является наиболее уязвимым элементом форс-мажорной оговорки на практике. Несвоевременное уведомление контрагента, как правило, лишает пострадавшую сторону права ссылаться на форс-мажор в будущем. Суды рассматривают несоблюдение сроков уведомления как нарушение принципа добросовестности, поскольку это лишает кредитора возможности своевременно минимизировать свои убытки[3, С.66].

Рекомендуется расширить перечень допустимых доказательств в договоре. Например, для подтверждения погодных аномалий достаточно справок из территориальных управлений Росгидромета; для подтверждения пожаров – актов структурных подразделений МЧС России; для подтверждения запретительных актов государственных органов – ссылок на официальное

опубликование соответствующих нормативных правовых актов или писем профильных министерств.

Правовые последствия наступления форс-мажора — это ключевой раздел оговорки. По общему правилу, наступление обстоятельств непреодолимой силы не прекращает обязательство автоматически, а лишь освобождает пострадавшую сторону от ответственности (уплаты неустойки, пеней, штрафов, возмещения убытков) за просрочку его исполнения на период действия таких обстоятельств.

В договоре необходимо четко закрепить правило о соразмерном продлении сроков исполнения. При этом важно учитывать, что после окончания форс-мажора стороне может потребоваться дополнительное время на мобилизацию ресурсов (например, расконсервацию оборудования, переброску техники, найм персонала).

Включение параметра восстановительного периода в договорную формулу позволяет избежать ситуаций, когда на следующий день после снятия государственных ограничений контрагент неправомерно требует немедленной отгрузки товара, физическая подготовка которого требует нескольких дней.

Критически важным элементом является условие о праве на односторонний отказ от договора (расторжение), если форс-мажор длится свыше определенного срока. Отсутствие такого условия может привести к ситуации, когда стороны остаются юридически связанными неисполнимым договором бесконечно долго, что блокирует их возможность заключить замещающие сделки с другими партнерами[4, С.85].

Рекомендуется устанавливать дифференцированные сроки для возникновения права на расторжение в зависимости от характера и предмета договора. Для краткосрочных договоров поставки скоропортящихся товаров этот срок может составлять от 10 до 15 дней; для стандартной поставки оборудования — 30-60 дней; для долгосрочных инвестиционных или масштабных строительных контрактов — от 3 до 6 месяцев.

Важнейшим аспектом, который часто упускается из виду при составлении контрактов, является алгоритм проведения взаиморасчетов при расторжении договора вследствие длительного форс-мажора. Неурегулированность данного вопроса неизбежно приводит к судебным спорам о неосновательном обогащении, особенно в случаях, когда заказчик перечислил значительный аванс, а подрядчик успел понести невозмещаемые расходы на закупку специфических материалов.

Установление нереалистично жестких и коротких сроков для направления первичного уведомления (например, «в течение 24 часов с момента наступления события»). В условиях реального стихийного бедствия или системной аварии соблюсти такие сроки физически и технически невозможно.

Требование подтверждать абсолютно любые форс-мажорные обстоятельства исключительно сертификатами Торгово-промышленной палаты, даже когда речь идет о локальных авариях, нормативных актах Правительства РФ или событиях, которые в принципе не входят в компетенцию палаты.

Отсутствие проработанного механизма проведения финансовых взаиморасчетов и возврата неотработанных авансов при реализации права на одностороннее расторжение договора вследствие длительного воздействия непреодолимой силы.

Для минимизации правовых рисков процесс подготовки и согласования форс-мажорной оговорки должен носить систематический характер. На первом этапе рекомендуется проводить комплексный аудит рисков конкретной сделки. Юристы совместно с профильными бизнес-подразделениями (логистика, производство, закупки, IT) должны смоделировать негативные сценарии, которые с наибольшей вероятностью могут привести к срыву исполнения обязательств [6, С.68].

Подводя итог, следует подчеркнуть, что форс-мажорная оговорка в современных реалиях – это не формальный «спящий» раздел в самом конце договора, о котором вспоминают только в суде, а критически важный, живой механизм операционной защиты бизнеса. В условиях макроэкономической турбулентности детальная проработка этого раздела становится не просто правилом хорошего корпоративного тона, а обязательным стандартом должной осмотрительности при ведении коммерческой деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выборнова, Е. С. Договорное право. Предмет гражданско-правового договора : учебное пособие для вузов / Е. С. Выборнова, Н. С. Александрова. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 136 с.
2. Дмитриева, О. В. Ответственность без вины в гражданском праве : учебник для вузов / О. В. Дмитриева. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 164 с.
3. Зенин, И. А. Гражданское право. Общая часть : учебник для вузов / И. А. Зенин. — 20-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 526 с.
4. Крашенинников, Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / Е. А. Крашенинников ; ответственный редактор Ю. В. Байгушева. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 1125 с.
5. Кузнецова, О. А. Непреодолимая сила как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности / О. А. Кузнецова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2021. — № 5. — С. 23–31.
6. Петров, Е. Ю. Категория «непреодолимая сила» в гражданском праве / Е. Ю. Петров // Журнал российского права. — 2020. — № 8. — С. 67–79.
7. Садиков, О. Н. Гражданское право России. Обязательственное право : курс лекций / О. Н. Садиков. — Москва : Юрист, 2019. — 845 с.
8. Сарбаш, С. В. Исполнение договорного обязательства / С. В. Сарбаш. — Москва : Статут, 2020. — 636 с.
9. Свириденко, О. М. Форс-мажор в договорном праве: теория и судебная практика / О. М. Свириденко // Законодательство и экономика. — 2021. — № 4. — С. 38–47.
10. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 148 с.

Yakovlev Viktor Sergeyevich

Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow, Russia

E-mail: i-am-vi@yandex.ru

Problems with applying force majeure and developing recommendations for legal entities

Abstract. This article examines the challenge of distinguishing between related civil law concepts: «force majeure», a material change in circumstances, and the objective impossibility of performance. It analyzes the conflicts that arise when classifying factual circumstances in Russian judicial practice and identifies the reasons why certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation (specifically Articles 401, 416, and 451) prove ineffective in the face of modern economic challenges—such as sanctions, currency fluctuations, and pandemics. The root of the problem lies in the complex interplay between the doctrinal frameworks for allocating contractual risks and an objective reality that often fails to fit the Procrustean bed of classical legal norms. Particular attention is paid to the doctrinal and practical difficulties involved in recognizing the "economic impossibility" of performance, as well as the allocation of the burden of proof in «force majeure» disputes. The issue of distinguishing these concepts has become especially acute following the imposition of large-scale economic sanctions against Russian companies. Amidst this unprecedented pressure, the question of whether restrictive measures imposed by foreign states qualify as «force majeure» has taken on critical importance. In today's environment, the «force majeure» clause is no longer merely a formal, "dormant" section at the end of a contract—recalled only during litigation—but a vital, active mechanism for the operational protection of a business.

Keywords: force majeure; irresistible force; allocation of contractual risks; contractual clause; sanction risks; burden of proof